

М. П. СОТНИКОВА

РУССКАЯ ЭПИГРАФИКА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Одним из естественных следствий роста и расширения в советское время археологических раскопок древнерусских городов является колоссальное увеличение фонда известных науке предметов древности с русскими надписями. Поэтому, хотя интерес к древнерусским надписям как памятникам родной культуры и историческим источникам возник в русской исторической науке чуть ли не вместе с самой наукой,¹ возможности для становления русской эпиграфики как самостоятельного раздела источникововедения открылись только в советское время.

Однако советские эпиграфисты начинали не на пустом месте. Понимание необходимости занятий надписями, собирания и классификации эпиграфического материала передавалось от одного поколения ученых к другому в течение всего XIX в. П. И. Кеппен включил все известные в его время надписи в свой перечень источников по истории древнерусского искусства и палеографии.² Автор одного из первых систематических обзоров основ палеографии³ И. П. Сахаров, осознав, что единой палеографии, которая занималась бы изучением письма на любых предметах, быть не может, выделил надписи на памятниках «разных худо-

¹ Достаточно вспомнить, что в известном распоряжении Петра I собирать все, что «зело старо и необыкновенно», рядом со старинным оружием, посудой и другими предметами упомянуты и «старые надписи» (Указ от 13 февраля 1718 г. Полное собрание законов Российской империи, т. V, 1830, стр. 541—542), а первое сочинение по русской палеографии, будучи посвящено разбору надписи на камне (А. О.[ленин]. Письмо к графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину. О камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792-м году. Во граде С. Петра, 1806), было трудом по палеографии именно вещевой, т. е. по эпиграфике.

² П. И. Кеппен. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822.

³ И. П. Сахаров. Чтения из русской палеографии. Литографированное издание лекций. СПб., около 1854.

жеств» в особый раздел археологической палеографии и задумал широкое соби́рание древних надписей.⁴

И. И. Срезневский в своем курсе славяно-русской палеографии, читавшемся в Петербургском университете в 1865—1880 гг., наряду с рукописями рассматривал и основные памятники материальной культуры, имеющие какие-либо тексты, и опубликовал перечень известных в его время надписей XI—XIV вв.⁵ В архиве И. И. Срезневского, хранящемся в Библиотеке АН СССР, насчитывается более 700 прорисей надписей, сделанных им собственноручно.

В начале XX в. научные издания отдельных групп надписей были осуществлены В. Н. Щепкиным.⁶

Первый курс лекций по палеографии надписей на предметах материальной культуры читал несколько раз в Петербургском археологическом институте И. А. Шляпкин,⁷ сочетавший лекции с практическими занятиями по вещевой палеографии. Отдавший работе над корпусом новгородских надписей XI—XIV вв. последние 20—25 лет жизни, И. А. Шляпкин в этом курсе лекций сделал специальный обзор методики работы с вещевыми надписями и литературы по ним, а также посвятил особый раздел курса сравнению азбуки вещевых надписей с графикой рукописных памятников.

Поскольку окончательное отделение русской эпиграфики от палеографии произошло буквально накануне Октябрьской революции, в советское время эпиграфика вошла, формально говоря, уже особой вспомогательной исторической дисциплиной. Но наследство, полученное этой дисциплиной от дореволюционной науки, было очень невелико и однообразно, хотя оно и опиралось на вековую традицию уважения надписи как памятника языка, культуры и истории народа. Дело в том, что почти все сделанное в эпиграфике в дореволюционное время касалось только соби́рания материала, но не изучения его. Был назван предмет эпиграфики, но не были сформулированы задачи исследования надписей и не разработаны его методы. Впрочем, и для начала 20-х годов все это оказалось делом далекого будущего.

Корпус новгородских надписей И. А. Шляпкина, умершего в 1918 г., должен был быть опубликован под редакцией А. А. Шахматова и А. Н. Вершинского, но издание осталось неосуществ-

⁴ И. П. Сахаров. Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851.

⁵ И. И. Срезневский. 1) Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885; 2) Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882.

⁶ В. Н. Щепкин. 1) Новгородские надписи — graffiti. Древности, Труды МАО, т. XIX, вып. III, М., 1902; 2) Описание надгробий. Отчеты Истор. музея в Москве за 1906 и 1911 гг. М., 1907, 1912, приложения.

⁷ И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913; Памятники русской вещевой палеографии. Составил М. И. Михайлов. СПб., 1913 (краткое пособие, составленное по лекциям Шляпкина).

ленным отчасти из-за скорой кончины самого А. А. Шахматова, но главным образом ввиду крайне неблагоприятной обстановки для развития вспомогательных исторических дисциплин, сложившейся в конце 20-х—начале 30-х годов, когда в угоду социологизации истории и археологии занятия какой бы то ни было отраслью источниковедения — хронологией, классификацией и типологией памятников, палеографией, сфрагистикой или эпиграфикой — осуждалось как «голое вещеведенье». Работы, посвященные специально эпиграфике, в этот период практически не печатаются.⁸ Редкие эпиграфические «вкрапления» обнаруживаются лишь в трудах по истории древнерусской живописи и прикладного искусства.⁹

Тем сильнее было впечатление, которое оказало на всех русских историков издание в 1936 г. справочника по русским надписям, составленного А. С. Орловым.¹⁰ От названных дореволюционных перечней эпиграфического материала книга А. С. Орлова выгодно отличается не только естественным пополнением самого списка надписей, который насчитывает у него уже более 300 номеров, но и наличием почти исчерпывающей библиографии каждой надписи, что автор и считал главной задачей при составлении справочника. В своей рецензии Б. А. Рыбакову удалось дополнить библиографию А. С. Орлова всего полутора десятками названий, но при этом рецензент предложил включить в перечень эпиграфических материалов более полусотни крестов-энколпионов с именными надписями и монограммами святых, а также пополнить перечень надписями на серебряных платежных слитках русского средневековья.¹¹

Говоря вскоре после выхода книги о значении непосредственного обращения к первоисточнику для преодоления устарелых историографических схем и концепций, А. С. Орлов указывал

⁸ Две специальные эпиграфические заметки, опубликованные в это время, касаются надписей на пряслицах: Н. Порфиридов. Надписное пряслице из Рюрикова городища. Новгородский городской музей. Материалы и исследования, вып. 1, 1930, стр. 33—36; М. Сперанский. Из славянской эпиграфики. ДАН СССР, 1930.

⁹ Н. Репников. Предварительное сообщение о раскрытии памятников древней живописи в Старой Ладого. Вопросы реставрации, II, М., 1928, стр. 186, 190, 192; А. И. Анисимов. Домонгольский период древнерусской живописи. Вопросы реставрации, II, стр. 125—128, 130—135 и др.; Виктор Никольский. К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины. Сб. Оружейной палаты, М., 1925, стр. 73—83; В. Шугаевский. Мідяний змівник Чернігівського музею — повторення золотої «чернігівської гривні». Сб. «Чернігів і північне Лівобережжя», Киев, 1926; В. Ф. Ржигала. Очерки из истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. 5, М., 1929, стр. 50—51.

¹⁰ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936.

¹¹ Б. А. Рыбаков. К библиографии русских надписей XI—XV вв. ИЗ, 4, 1938, стр. 250—257.

на необходимость использования при этом данных вспомогательных исторических дисциплин.¹² Его собственная «Библиография русских надписей» именно приблизила первоисточник к историкам, обеспечив использование данных эпиграфики в их исследованиях. Ознаменовавшая конец источниковедческому «безвременью», книга А. С. Орлова навсегда привлекла внимание историков-русистов к эпиграфическому материалу как историческому источнику для изучения не только языка и письма, но и быта, хозяйства, культуры и государственной жизни Древней Руси.

Непосредственно на основе «Библиографии русских надписей» А. С. Орлова с привлечением материалов «Корпуса» И. А. Шляпкина А. Н. Вершинский подготовил в 1940 г. к печати общую работу «Исторические надписи как источник по истории СССР». Неопубликованная вовремя из-за начавшейся Великой Отечественной войны, к настоящему времени она сильно устарела как по объему материала, так и по самой методике исследования.¹³

Вышедшая вторым изданием в 1952 г. (дополненным и расширенным с учетом последующих эпиграфических находок и рецензии Б. А. Рыбакова) книга А. С. Орлова¹⁴ не потеряла своего значения очень нужного справочника до сих пор. Она служит удобным библиографическим дополнением к новейшему обобщающему труду по русской эпиграфике ученика А. С. Орлова Б. А. Рыбакова,¹⁵ который собирает фотокопии, прориси, слепки древнерусских надписей еще со студенческих лет.¹⁶ Одновременно с Б. А. Рыбаковым работу по собиранию и изучению надписей в 30—40-е годы вели Н. Г. Порфиридов, составивший свод северо-западных эпиграфических памятников, преимущественно новгородских, включающий 600 надписей, и М. К. Каргер, подготовивший к печати корпус новгородских и псковских надписей XI—XVII вв.¹⁷

Подъем национального самосознания и советского патриотизма в годы войны с немецко-фашистскими захватчиками и в послевоенный восстановительный период вызвал новое оживление исследовательского интереса к данным русской эпиграфики как

¹² Вспомогательные исторические дисциплины. Под ред. А. С. Орлова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937. От редакции.

¹³ Архив ИА АН СССР, № 1840, р. 2.

¹⁴ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952. (Дополнения составлены М. П. Сотниковой).

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964 (Свод археологических источников СССР, издаваемый Институтом археологии АН СССР, вып. Е1-44) (далее — САИ, Е1-44).

¹⁶ Л. В. Алексеев. К шестидесятилетию Б. А. Рыбакова. СА, 1968, 2, стр. 116.

¹⁷ Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 156—157; М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 226, прим. 2.

к материалам, освещающим самые разные стороны древнерусской жизни.

Многие надписи были использованы в блестящей монографии Б. А. Рыбакова по истории древнерусского ремесла,¹⁸ имеющей основополагающее и направляющее значение для дальнейшего углубленного изучения как отдельных отраслей ремесла Древней Руси, так и отдельных групп надписей, выполненных на однородных по материалу или назначению вещах. Одним из важных выводов Б. А. Рыбакова было заключение о широком распространении грамотности среди городского посадского населения домонгольской Руси при очевидной совершенной неграмотности деревни. Грамотными оказались представители самых разных ремесленных профессий: мастера серебряных дел, литейщики, кузнецы и оружейники, резчики по камню, гончары, кирпичники и даже пряжи.

Итоги двадцатилетнего изучения советской исторической наукой древнерусских надписей как исторического источника были практически подведены в коллективном труде по истории культуры Древней Руси, выпущенном Академией наук СССР в 1948—1951 гг.¹⁹ Материалами эпиграфики в нем пронизаны главы о средствах и путях сообщения (Н. Н. Воронин), пище и утвари (Н. Н. Воронин), письме и языке (П. Я. Черных), ремесле (Б. А. Рыбаков), литературе (Д. С. Лихачев), живописи (М. К. Каргер), прикладном искусстве и скульптуре (Б. А. Рыбаков), т. е. фактически большинство разделов этого двухтомного издания.

В следующее десятилетие расширение археологических и архитектурно-реставрационных исследований русских городов, раскопки древних селищ и курганов, а также работа ведущих музеев страны над составлением научных каталогов хранящихся в них различного рода русских древностей принесли так много и столь разнообразных по содержанию надписей, исполненных к тому же на самом разном материале (дерево, камень, металл, керамика, штукатурка и др.), что явилась необходимость систематизации и монографического изучения отдельных групп надписей в зависимости от материала или назначения самих вещей, сопровождающихся этими надписями.

Древнейшая русская надпись, относящаяся к первой четверти X в., процарапанная на плече корчаги, разбитой согласно погребальному обряду X в., была найдена в 1949 г. при раскопках под руководством Д. А. Авдусина одного из курганов Гнездовского могильника близ Смоленска.²⁰ Чтение этой надписи как «горо-

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948.

¹⁹ История культуры древней Руси, тт. I, II, М.—Л., 1948, 1951.

²⁰ Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. 38, 1951, стр. 77, рис. 36а, в.

ухца» (горчица), предложенное автором ее первого палеографического и смыслового анализа М. Н. Тихомировым, оспаривается многими исследователями, не согласными, впрочем, и между собою.²¹

Принципиально новым видом эпиграфических памятников являются берестяные грамоты, открытые в 1951 г. в Великом Новгороде при археологических раскопках под руководством А. В. Арциховского, а затем — в Смоленске, Пскове, Витебске и Старой Руссе.²² Находка берестяных грамот — одно из важнейших археологических открытий XX в. Оно сделало практически неисчерпаемым запас письменных источников по истории русского средневековья.

Представляющие собой тексты, написанные на бересте посредством надавливания и процарапывания острым орудием письма без нанесения красящего вещества, берестяные грамоты по способу письма формально являются рукописями — граффити. Однако непрерывно и регулярно растущий фонд грамот уже теперь — всего через два десятка лет после открытия первой грамоты — так велик (насчитывается уже более 500 грамот) и так разнообразен по содержанию, что изучение грамот фактически составляет предмет особой вспомогательной дисциплины. Это пока еще безымянная берестография, берестографика или берестология имеет уже обоснованную и отработанную методику; четкую и исчерпывающую форму публикации грамот, при которой каждая грамота, получив твердый порядковый номер, входит с ним в последовательно наращиваемую серию издания грамот, где публикация²³ каждой бересты сопровождается археологическим, терминологическим, лингвистическим и палеографическим

²¹ Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестн. АН СССР, 1950, IV, стр. 74 и далее; библиография дискуссии приведена в статье Г. Ф. Корзухиной «О гнездовской амфоре и ее надписи» (Сб. статей в честь М. И. Артамонова, Л., 1961, стр. 226—230).

²² А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. ВИ, 1951, 12; Вестн. АН СССР, 1951, № 12; Д. А. Авдусин. 1) Смоленская берестяная грамота. СА, 1957, 1; 2) Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 г. СА, 1966, 2; Г. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова (1956, 1959—1960 гг.). Сообщ. ГЭ, XXIII, 1962, стр. 66; В. Белецкий. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа. Сообщ. ГЭ, XXIX, Л., 1968, стр. 6, 8. Н. Н. Драченина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. СА, 1960, 4; А. Ф. Медведев. 1) Археологические открытия в Старой Руссе. Сб. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967; 2) Из истории Старой Руссы. СА, 1967, 3.

²³ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (грамоты 1—10); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (грамоты 11—83); А. В. Арциховский и В. И. Борковский. 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (грамоты 84—136); 2) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (грамоты 137—194); 3) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (грамоты 195—318); А. В. Арцихов-

комментариями; огромную, труднообозримую литературу на многих языках.²⁴

Большой интерес к берестяным грамотам вызван тем, что они отнюдь не составляют единого эпистолярно-юридического архива определенного времени, а являются категорией источника массового, как ножи или бусы, и непрерывного, почти как монеты или археологическая керамика. Грамоты дороги тем, что доносят повседневно-конкретные интересы и заботы самых широких слоев населения древнерусского города.

Бесконечно разнообразные по типам (бересты — хозяйственные записи, деловые поручения-приказы, списки повинностей, записи ростовщиков, жалобы, письма, литературные тексты и даже ученические тетради), грамоты представляют собой ценный материал для всех наук, включающих в себя исторический аспект исследования.

Самое наличие берестяных грамот подтверждает вывод советских историков, основанный на изучении других эпиграфических памятников, о широком распространении грамотности в Древней Руси.

В Новгороде грамотными оказались не только женщины, но и дети. Бересты позволили понять, как происходило обучение грамоте (грамоты №№ 199—207), и помогли выявить среди археологических находок самые орудия письма.²⁵

Картина земледелия и землевладения в Новгороде XIV—XV вв.; принадлежность, размер, характер и исторические судьбы внутригородских боярских усадеб; уяснение генеалогии рода Мишиничей; поход Новгорода на Углич и Ярославль в 80-е годы XIII в. (грамота № 38); порядок наследования некоторых важных должностей; подробности судопроизводства с протоколом допроса и свидетельскими показаниями (грамота № 154); завещания; договоры крестьян с феодалами, обуславливающие крестьянские переходы (грамота № 136); сравнительные цены в XIV в., ассортимент покупок и другое — все это стало известным только с открытием новгородских берестяных грамот.²⁶

Много важного материала находит в грамотах нумизматика. Только когда грамоты «выдали» неизвестную по другим источникам счетно-денежную единицу «седмицу», переходную от 200-денежного рубля к 214-денежному, оказалось возможным внести

ский. 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963 (грамоты 319—405); 2) Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. СА, 1965, 3.

²⁴ А. Л. Хорошкевич. Зарубежные отклики на открытие новгородских берестяных грамот. История СССР, 1958, № 5.

²⁵ Б. А. Тимощук. Об инструментах для письма («стилях»). КСИИМК, вып. 62, М., 1956, стр. 155—156; А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 63—88.

²⁶ В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М., 1965.

ясность в новгородскую денежную систему так называемого без-
монетного периода.²⁷

Поистине драгоценный материал содержится в берестяных грамотах для изучения древнерусского языка и особенно для лингвистического исследования его новгородского диалекта.²⁸ Примечателен состав встречающихся в грамотах личных имен. В XIII в. они еще вполне язычески-славянские.

Велико значение открытия берестяных грамот и для самой эпиграфики. Результаты палеографического и лингвистического изучения грамот уже обогащают и упрощают методику исследования многочисленных надписей-граффити, составляющих большую часть фонда эпиграфики вообще. Поскольку палеографическая датировка берестяных грамот всегда надежно проверяется стратиграфией раскопа и абсолютной датировкой его строительных ярусов по данным дендрохронологии,²⁹ эпиграфика на материале грамот имеет надежную общую шкалу для датировки других часто и «беспаспортных» граффити. Так, с учетом показаний берестяных грамот были датированы надписи-граффити на монетных слитках Новгорода XII—XV вв., шиферных пряслицах, крестике и иконке, отдельные настенные граффити.³⁰

Надписи встречаются на любых предметах и на самых разных деталях зданий.

Публикуемые — по праву первооткрывателей, — как правило, археологами, а не палеографами, надписи при этом обычно «топнут» в массу всех остальных находок данной экспедиции, так как часто издатели больше рассказывают об обстоятельствах находки и о самой вещи, чем о ее надписи, которая даже при спорном чтении издается нередко лишь в прорисях.

Имеются надписи на культовых и на бытовых предметах, сделанные как при изготовлении предмета, так и при его «работе», какое бы назначение он ни имел. Бытовые надписи всегда проще, ярче, индивидуальнее надписей культовых, которые отчасти стандартны соответственно канону вещи и поясняемого надписью сюжета.

²⁷ В. Л. Янин. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. Настоящий сборник, стр. 150—179.

²⁸ Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959; Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955.

²⁹ Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. МИА СССР, 117, 1963.

³⁰ М. Сотникова. 1) Петровы гривны. Сообщ. ГЭ, X, 1956, стр. 49—51; 2) Рязанский клад литовских серебряных слитков в собрании Эрмитажа. Сообщ. ГЭ, XII, 1957, стр. 15—18; 3) Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. Труды ГЭ, IV, 1961, стр. 44—91; В. Л. Янин. К чтению надписи на пряслице из Гродно. СА, 1958, 1; В. В. Седов. Каменный крестик с надписью из Пирова селища. СА, 1959, 1; А. В. Гадло. Новый памятник Тмутараканского времени из Приазовья. СА, 1965, 2; С. А. Высоккий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966, стр. 61, 68, 89, 97, 103 и др.

Подписаны многие личные вещи, орудия труда и ремесла; надписи, как и большое количество отдельных букв и слогов, отмечают чью-то собственность, принадлежность подписанного предмета определенному, названному в надписи лицу.

К настоящему времени собралась уже довольно большая коллекция надписанных пряслиц, шиферных и глиняных, насчитывающая два десятка надписей.³¹

Обычай метить или подписывать пряслица восходит не только к легко объяснимому психологически стремлению отличить свою вещь от многих ей подобных. Возможно, участвовавшие как один из видов наиболее стандартизированного товара в денежном обращении Древней Руси так называемого безмонетного периода,³² пряслица действительно были весьма ценными вещами.

Однако надписи на пряслицах не всегда содержат только женские имена или производные от них притяжательные прилагательные. Некоторые из них, несущие мужские имена, представляют собой, вероятно, пометки о дарении подобно отцовской надписи на детском пряслице из Любеча, а одна надпись является вотивной.³³

Граффити вотивного содержания встретились также на каменном крестике XI в. и просто на обломке кости.³⁴

Множество меток владельцев или их надписей имеется на деревянных и костяных вещах из Новгорода: на берестяных поплавах, бочке, деревянной чаше, аршине, стреле, на куске моржовой кости.³⁵

Очевидная ценность вещи для ее хозяина видна в обстоятельных надписях на оселке из Новгорода и рукоятке ножа из

³¹ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Дополнения, №№ 11—15; В. Л. Янин. Великий Новгород. Сб. «По следам древних культур», Древняя Русь, М., 1953, стр. 243; Л. В. Алексеев. 1) Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, вып. 57, 1955; 2) Еще три шиферных пряслица с надписями. СА, 1959, 2; Б. А. Рыбаков. 1) Раскопки в Любече в 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960; 2) Русская эпиграфика X—XIV вв. Сб. «История, фольклор, искусство славянских народов», Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов, М., 1963; 3) Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИИМК, вып. 99, 1964; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 156—157; П. Ф. Лысенко. Шиферное пряслице с надписью из Пинска. СА, 1966, 3.

³² В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 189.

³³ Б. А. Рыбаков. 1) Русская эпиграфика X—XIV вв.; 2) Раскопки в Любече в 1957 г.; А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Дополнения, № 15; В. Л. Янин. К чтению надписи на пряслице из Гродно.

³⁴ В. В. Седов. Каменный крестик с надписью из Пирова селища; Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур», Древняя Русь, М., 1953, стр. 118.

³⁵ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.).

Дрогичина.³⁶ Если первый спокойно сообщает: «Осла Семена Александровича», второй грозит возможному вору: «Ежков нож, а иже кто украдет, проклят будет».

Граффити на глиняных сосудах при всей их сравнительной немногочисленности (сейчас известно 8 таких сосудов с надписями) оказываются неожиданно разнообразны. Они поясняют содержание корчаги, отмечают ее принадлежность, передают благопожелание,³⁷ следуя в целом античной еще традиции надписывания амфор,³⁸ дожившей до русских X—XIII вв. вместе с самими амфорами. К сожалению, до сих пор не прочтена шестистрочная надпись-граффито на черепках из Белой Вежи.³⁹ Еще одна надпись, сделанная на голоснике из Софии Новгородской до обжига сосуда,⁴⁰ интересна тем, что является, возможно, автографом гончара.

Много надписей делалось строителями. Естественно, что по смыслу они, как правило, являются помогавшими в работе деловыми пометками. Это метки и автограф «Яков тв...» на кирпичах, подпись «вѣрх» на обратной стороне каменной плиты со смальтовой мозаикой в Софии Новгородской, буква на венце деревянного сруба, цифровые пометки на листах кровли Успенского собора во Владимире.⁴¹

³⁶ В. Л. Янин. Великий Новгород, стр. 243; А. В. Поппэ. Древнерусская надпись XII столетия на рукоятке ножа из Дрогичина. Проблемы источниковедения, V, 1956, стр. 328—333.

³⁷ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Дополнения, № 1; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 187—188; Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белозера. СА, 1960, 3. Обозначение содержимого делалось и на сосудах из других материалов. См.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), надпись № 3 (на крышке деревянной кадучки); М. В. Седова. Серебряный сосудик XIII в. из Новгорода. СА, 1964, 1, стр. 344. Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, вып. 70, 1957; Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгорода X—XIII вв. СА, 1962, 1, стр. 243; М. В. Малевская. Амфора с надписью из Новогрудка. СА, 1962, 4. См. также: Г. Ф. Корзухина. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. СА, XV, 1951; А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв., стр. 31, № 21; Дополнения, № 221; М. К. Каргер. Древний Киев, I. М.—Л., 1961, стр. 421—423.

³⁸ И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953.

³⁹ М. А. [М. И. Артамонов]. Археологические исследования в зоне будущего Цимлянского водохранилища. Вестн. ЛГУ, 1951, № 2, стр. 141—145; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 452.

⁴⁰ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв., стр. 21, № 9, Дополнения, № 9.

⁴¹ А. Л. Монгайт. 1) Раскопки в Старой Рязани. КСИИМК, XXXVIII, 1951; 2) Старая Рязань, стр. 188; М. К. Каргер. Древний Киев, I, стр. 456; Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, XXXVIII, 1951; А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв., Дополнения, №№ 3, 91; А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), надпись № 4.

Надписи различных ремесленников встречаются и на орудиях их ремесла. Граффито «Макосимов» на каменной литейной форме для отливки трехбусинных височных колец, открытой М. К. Каргером при раскопках Десятинной церкви в Киеве,⁴² удостоверяет принадлежность формы ювелиру Максиму. Другая надпись, сообщающая, по-видимому, имя мастера-изготовителя креста, сделана при литье на горячем металле.⁴³ Рабочие пометки оказались также на сапожных колодках.⁴⁴ Значение делового пояснения к каким-то предметам или товарам имели, возможно, и берестяные бирки с процарапанными на них именами в дательном падеже (грамоты №№ 58 и 79).

Автографы мастеров донесены до нас русскими серебряными платежными слитками XII—XV вв. Однако надписи, сделанные ливцами, содержат имена владельцев — заказчиков слитков, а не самих ливцов. Дело в том, что в течение всего средневековья древнерусские денежные дворы не имели собственных «оборотных» запасов серебра и функционировали не круглый год, а лишь время от времени, по мере поступления серебра от заказчиков. Продолжительность денежных переделов зависела целиком от этого, причем монеты и слитки равно изготавливались для каждого отдельного заказчика из его собственного серебра. При такой организации денежного дела надписи на слитках были одним из видов рабочих пометок ливцов, наносившихся с целью отличить друг от друга слитки, отлитые из серебра и по заказу определенных лиц. Помогая ливцу рассчитывать с заказчиками, надписи имели значение, очевидно, только внутри мастерской и теряли его, как только слитки через руки их первых владельцев — заказчиков — выходили в сферу обращения.

Свод, насчитывающий более 200 таких надписей, разного рода отдельных букв и буквообразных знаков, удалось составить в результате изучения коллекций слитков в Эрмитаже и ГИМе.⁴⁵

Чрезвычайным палеографическим сходством с письмом берестяных грамот, новгородскими оборотами в языке и правописании и т. п. надписи на слитках подтверждают новгородское происхождение русских серебряных платежных слитков XII—XV вв., следовательно, делают вполне правомерным присвоенное им в 1821—1826 гг. наименование, производное от имени места находки первого клада, содержавшего подобные слитки.⁴⁶

⁴² Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950; М. К. Каргер. Древний Киев, I, стр. 385, рис. 86.

⁴³ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Дополнения, № 17.

⁴⁴ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), надпись № 8.

⁴⁵ М. П. Сотникова. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв., стр. 44—91.

⁴⁶ А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пб., 1921, № 155.

Относящиеся непосредственно ко времени изготовления самих слитков, эпиграфические данные их приобретают практический интерес для проверки и уточнения датировки, обстоятельств изготовления и обращения слитков. В свою очередь проверка палеографической датировкой ставит группу надписей на слитках в ряд заслуживающих доверия эпиграфических памятников и делает возможным использование ее при изучении и датировке других древнерусских граффити.

Надписи-граффити, начертанные на стенах многих архитектурных сооружений Древней Руси, давно привлекали внимание историков.⁴⁷ Случайность и отрывочность этих сведений в дореволюционной литературе определялись фактической невозможностью поисков надписей под слоями масляной живописи и шпаклевки внутри действовавших церквей. Даже В. Н. Щепкину, чья упомянутая выше публикация 40 древних надписей, случайно обнаруженных при ремонте фундамента Софийского собора в Новгороде,⁴⁸ явилась первой подлинно научной статьей по русской эпиграфике и имела основополагающее значение для дальнейшего изучения настенных надписей, удалось исследовать лишь отдельные фрагменты древней стеной поверхности Софии Новгородской, так как огромное большинство надписей «пропало» под новой затвердевшей штукатуркой во время реставрации собора в конце XIX в., не успев стать объектом исследования.⁴⁹ Поэтому по-настоящему доступными для изучения древние настенные надписи стали только в советское время.

В 20—40-х годах надписи-граффити были обнаружены в Старой Ладого, Новгороде, Владимире, Боголюбове, Переславле-Залесском, Кидекше, Звенигороде, Рязани, Киеве и Зарубе.⁵⁰

⁴⁷ Н. Закревский. Описание Киева, т. I. М., 1868; А. В. Прахов. Киевские памятники византийско-русского искусства. Древности, Труды МАО, т. XI, вып. 3; А. Д. Эртель. Древние пещеры на Зверинце в Киеве. Киев, 1913; И. Каманин. Зверинецкие пещеры в Киеве. Киев, 1914; Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896.

⁴⁸ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи — graffiti.

⁴⁹ И. А. Шляпкин. Современные задачи изучения древнерусской вековой и книжной письменности. Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 г. в Новгородском обществе любителей древностей гг. лекторам имп. Археологического института, Новгород, 1910, стр. 14.

⁵⁰ Н. Репников. 1) О фресках церкви св. Георгия в Старой Ладого. Изв. Комитета изучения древнерусской живописи, вып. I, Пгр., 1921, стр. 4; 2) Предварительное сообщение о раскрытии памятников...; Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород; А. Л. Монгайт. 1) Об археологических работах в Софийском соборе Новгорода Великого. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 135—136; 2) Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде в связи с новейшими исследованиями. Архитектура СССР, вып. 16, М., 1947, стр. 36; 3) Археологические исследования в Старой Рязани в 1948 г. Изв. АН СССР, сер. ист. и фил., т. VI, № 5, 1949; 4) Раскопки в Старой Рязани; 5) Рязанская земля. М., 1961; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I. М., 1961, стр. 75, 88, 140, 227;

В течение нескольких веков наносившиеся на стены древнерусских храмов самыми разными по своему социальному положению прихожанами, надписи-граффити явились еще одним важным свидетельством грамотности народных масс Древней Руси.

Самые замечательные результаты дало монографически исчерпывающее исследование всех граффити древнейшего архитектурного памятника Руси — Софийского собора в Киеве, сделанное в 1959—1963 гг. С. А. Высоцким.

Эта работа стала возможной только после того, как в 1954—1963 гг. в соборе была, наконец, полностью открыта вся уцелевшая древняя штукатурка XI в., что явилось итогом многолетних, начавшихся еще в 1935 г. работ по расчистке и реставрации фресковой живописи памятника.

В Киевской Софии, начало изучению надписей которой практически было положено Б. А. Рыбаковым еще в 1947 г.,⁵¹ С. А. Высоцкий выявил и расшифровал около 100 надписей и рисунков-граффити XI—XIV вв. По материалам исследования граффити Софии С. А. Высоцким была сделана сначала серия предварительных публикаций, вызвавшая большой интерес научной общественности и оживленное обсуждение расшифровки и датировки отдельных текстов первооткрывателем.⁵² Несколько позднее софийские граффити XI—XIV вв. С. А. Высоцкий издал отдельной книгой,⁵³ в которой большая часть надписей опубликована впервые.

Эта сотня открытых на стенах Софийского собора надписей, исполненных множеством самых разных почерков, как профессиональных, так и неопытных, представляет нам многоликую и многоименную «толпу» древних прихожан Софии из всех слоев древнерусского общества.

Надписи классифицированы С. А. Высоцким по содержанию. Это различные памятные записи, автографические, votивные или благопожелания, поминания, пояснения к фрескам и т. п.

Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). МИА, № 12, 1949, стр. 127; Б. О. Рыбаков. Іменні написи XX ст. в Київському Софійському соборі. Археологія, т. I, 1947, стр. 53—56; М. К. Каргер. 1) Археологические исследования древнего Киева, стр. 226; 2) Древний Киев, т. I; 3) Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, XIII, 1950, стр. 58.

⁵¹ Б. О. Рыбаков. Іменні написи XX ст. в Київському Софійському соборі.

⁵² С. А. Высоцкий. 1) Граффити XI в. в Софии Киевской. СА, 1959, 4; 2) Датированные граффити XI в. в Софии Киевской. СА, 1959, 4; 3) Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича. История СССР, 1960, 6; 4) Древнерусские граффити Софии Киевской. НС, т. III, 1962; 5) Надпись о саркофаге Всеволода Ярославича. СА, 1963, 4; Б. А. Рыбаков. 1) Запись о смерти Ярослава Мудрого. СА, 1959, № 4; 2) Русская эпиграфика X—XIV вв., стр. 34—71; В. А. Янин. Русская княгиня Олисава—Гертруда и ее сын Ярополк. НС, т. IV, 1963.

⁵³ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв.

Особенно интересны среди них надписи, содержащие сведения о военно-политической истории Древней Руси, упоминания видных исторических деятелей, записи, содержащие прямые даты. Так, одна из последних (запись 1259 г.), являясь первой после татаро-монгольского разгрома Киева в декабре 1240 г., указывает на время возобновления жизни в городе.⁵⁴

По характеру, форме и содержанию некоторые из софийских надписей оказались чрезвычайно близкими сообщениям летописи. Такова запись о смерти Ярослава Мудрого, разрешившая вековой спор о точной дате кончины этого князя.⁵⁵ Таковы граффити: о «кагане нашѣм» на фреске с изображением св. Николая, христианского патрона князя Святослава Ярославича;⁵⁶ о погребении князя Всеволода Ярославича;⁵⁷ о княжении в Киеве Святослава Ярославича;⁵⁸ о неизвестном по другим источникам мире на Желани, заключенном между тремя князьями в 1104 г. в период княжеских усобиц во время княжения Святополка Изяславича;⁵⁹ о матери Святополка — княгине Олисане;⁶⁰ о смерти епископа Луки Белгородского.⁶¹

Среди votivных надписей встречены упоминания или автографы Святополка Изяславича,⁶² Владимира Мономаха,⁶³ новгородского архиепископа Мартирия⁶⁴ и боярина Ставра Гордытича, известного не только по Поучению Мономаха и Новгородской первой летописи, но и по бытине.⁶⁵

Чрезвычайно интересна запись о покупке какой-то «всей Бояней земли» вдовой князя Всеволода во второй половине XII в. Эта настенная надпись является наиболее ранним известием, в котором земля выступает как товар. Граффито представляет собой настоящий юридический документ с перечислением многих свидетелей покупки.⁶⁶

⁵⁴ Там же, № 55.

⁵⁵ Там же, № 8; Б. А. Рыбаков. Запись о смерти Ярослава Мудрого.

⁵⁶ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., № 13.

⁵⁷ Там же, № 4.

⁵⁸ Там же, № 9.

⁵⁹ Там же, № 5; Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв., стр. 66.

⁶⁰ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., № 27.

⁶¹ Там же, № 10.

⁶² Там же, № 28.

⁶³ Б. О. Рыбаков. Іменні написи XX ст. в Київському Софійському соборі, стр. 62—63.

⁶⁴ Там же, стр. 56—61.

⁶⁵ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., № 18; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 126—129.

⁶⁶ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., № 25.

Выяснилось на примере Киевской Софии и неопределимое значение надписей-граффити на фресках для истории искусства Древней Руси. Содержащие обращения к изображенным на фресках святым или поясняющие сюжеты, надписи дают возможность уточнить название живописных композиций. Да и самое наличие в тех или иных местах собора содержащих прямую дату или хорошо датирующихся косвенным образом надписей облегчает датировку пристроек или сооружений в целом.

Подтверждающие и дополняющие летописные известия, сообщаящие новые сведения, равные по значению летописным; содержащие в массе записей автографы известных исторических деятелей; служащие материалом для выяснения истории пристроек и внутреннего живописного оформления храма, настенные надписи XI—XIV вв. в Софии Киевской оказались, таким образом, историческими источниками первостепенной важности.

Трещины, царапины, утраты стеной штукатурки в местах, занятых надписями, а также слабые или неясные начертания наиболее ранних надписей, нередко перекрытых другими граффити, и тому подобные помехи всегда сильно затрудняют расшифровку отдельных надписей или приводят к спорным и противоречивым их толкованиям.⁶⁷ Поэтому работы по одновременному выявлению и фиксации столь большого числа настенных надписей, проведенные в Киевской Софии, приобретают еще и значительную методическую ценность.

Дело в том, что до этих работ единой методики фотофиксации и изготовления документально точных прорисовок граффити в русской эпиграфике не существовало. В зависимости от конкретных условий для фиксации надписей делали оттиски с них на специальную мастику, эстампажи, заштрихованные копии и т. п.⁶⁸

Только в процессе исследования софийских граффити были разработаны простые и надежные приемы точной фиксации древних надписей без механического воздействия на самые надписи.

Графические рисунки софийских надписей изготовлялись путем карандашной прорисовки фотоснимков, сделанных при боковой скользящей подсветке, последующей их отбелике и наводке тушью.⁶⁹ Эта методика с успехом применяется теперь и другими исследователями.

⁶⁷ Ср., например, чтение надписи об Олисаве: С. А. Высоккий. 1) Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 155; 2) Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., № 27; В. Л. Янин. Русская княгиня Олисава—Гертруда и ее сын Ярополк, стр. 142; Б. А. Рыбаков. САИ, Е1-44, № 3.

⁶⁸ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи — graffiti; И. А. Шляпкин. Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности; Б. О. Рыбаков. Іменні написи ХХ ст. в Київському Софійському соборі.

⁶⁹ С. А. Высоккий. Древнерусские надписи Софии Киевской, XI—XIV вв., стр. 11.

Необходимость планомерного изучения древних настенных надписей на всех памятниках древнерусской архитектуры давно осознавалась советской наукой,⁷⁰ и поразительные открытия в Киевской Софии вызвали новый и теперь уже непреходящий интерес к поискам граффити.

В самом Киеве обнаружены и опубликованы граффити Золотых ворот,⁷¹ начата работа по изучению настенных надписей церкви Архангела Михаила в Выдубицком монастыре, церкви Спаса на Берестове, Троицкой надвратной и Кирилловской церквей.

Во Владимире, из Успенского собора которого происходит обнаруженный еще при реставрационных работах 1890 г. знаменитый лист кровельной позолоченной меди с записью граффити о землетрясении 1340 г., сведений о котором нет ни в одной летописи,⁷² найдена поминальная надпись, сделанная во время взятия города татарами в 1238 г.⁷³

В Смоленске при раскопках развалин храма XII в. среди других граффити обнаружена интереснейшая надпись о врагах-игуменах, убедительно связываемая Б. А. Рыбаковым со сторонниками Авраамия Смоленского,⁷⁴ т. е. с одним из первых на Руси антицерковным еретическим движением.

В Новгороде во время архитектурно-археологического исследования Софийского собора 1961—1966 гг. в башне собора архитектором Г. Н. Штендером была обнаружена важнейшая запись граффито, сообщающая дату закладки Софии — 21 мая 1045 г., совпадающую с показаниями летописей.⁷⁵ Опубликованы также граффити XIV—XV вв. из новгородской церкви Федора Стратилата.⁷⁶ Новгородской археологической экспедицией в 1959—1960 гг. проведено обследование и фотографирование граффити в церкви Спаса на Нередице и церкви Николая на Липне. Среди множества поминальных, votивных и автографических надписей липненского храма имеются записи о преставлении 2—3 новгородских архиепископов и игумена самой Никольской церкви Иова.

⁷⁰ Б. А. Рыбаков. К библиографии русских надписей XI—XIV вв.; Н. Г. Порфиридов. Памятник новгородской эпиграфики XVI в. Новгородский исторический сборник, вып. 6, 1939; М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева.

⁷¹ С. А. Высоцкий. Граффити Золотых ворот в Киеве. СА, 1967, 1.

⁷² А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XIV вв., № 122; Б. А. Рыбаков. САИ, ЕИ-44, № 48.

⁷³ Н. Н. Воронин. Граффито 2 февраля 1238 г. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 401—405.

⁷⁴ Н. Н. Воронин. Смоленские граффити. СА, 1964, № 2; Б. А. Рыбаков. Смоленская надпись XIII в. о «врагах-игуменах». СА, 1964, № 2.

⁷⁵ В. Г. Брюсова. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде. СА, 1968, 1.

⁷⁶ А. А. Медынцева. Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 440—450.

В Полоцке во время археологических раскопок 1958 г. в слое XII—XIV вв. найдена каменная плитка, с надписью, свидетельствующей о применении русской азбуки к татарскому языку.⁷⁷

По мере выявления, накопления и публикации граффити разных русских городов для эпиграфики станет возможен сравнительный анализ графики одинаково датирующихся надписей из разных городов с целью выявления местных «изводов» древнерусских почерков, как бы свободны и индивидуальны они ни казались в силу даже одной только своей «непрофессиональности» по сравнению с одновременной им книжно-рукописной графикой.

Бесценный материал в сравнении граффити из разных областей Древней Руси найдут для себя и лингвисты, поскольку разное написание одних и тех же слов в одних и тех же формулах записи (например, вотивных, благопожелательных или поминальных) в каждом случае отражает особенности местного произношения, а свободный, разговорный язык многих бытовых граффити передает черты зарождавшихся уже в среде единого древнерусского языка местных говоров.

Как и граффити, орудиями труда, а не письма исполнены надписи, резанные на различного рода крестах (намогильных, поклонных, дарственных). К большому фонду подобных материалов, зафиксированных еще в дореволюционной литературе,⁷⁸ в советское время добавились публикации нескольких надписей, интересных при своем религиозном содержании не только формулами молитвы или поминания, но и лексикой, орфографией, самой графикой памятника, а также как датирующий материал.

А. Д. Варгановым на белокаменной плите и цокольном камне из кладки Рождественского собора в Суздале открыты две надписи соответственно конца XII и XIV вв.⁷⁹ Первая из них заключает в себе часть так называемой похвалы кресту, полный текст которой сохранился в многострочной надписи на каменном поклонном кресте, стоявшем около Покровского собора на Нерли и датированном Н. Н. Ворониным 1164 г.⁸⁰

В. В. Седовым опубликована надпись на намогильном кресте кузнеца XIV в., происходящем со старинного кладбища в деревне

⁷⁷ Г. В. Штыхов. Письмена на камне из Полоцка. СА, 1963, № 4; Б. А. Рыбаков. Татарская кириллическая надпись из Полоцка. СА, 1963, № 4.

⁷⁸ А. С[пицын]. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903; В. Н. Щепкин. Описание надгробий.

⁷⁹ Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII века. СА, VI, 1940; А. Д. Варганов. Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора XI—XIII вв. СА, 1960, 4.

⁸⁰ Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII века.

Войнословово, упоминающейся еще в новгородских писцовых книгах.⁸¹ -

Подпись исполнителя наиболее своеобразной стилистически части скульптурных рельефов Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском обнаружил Г. К. Вагнер.⁸²

Интересный эпиграфический материал присутствует на произведениях мелкой пластики Древней Руси: нагрудных крестах, иконах, панagiaх, ковчегах-мошевиках и других предметах, резанных по камню, кости или дереву.

Ряд ранее неизвестных таких надписей опубликован Т. В. Николаевой в академически полном каталоге коллекции произведений мелкой пластики Загорского музея-заповедника.⁸³ В теоретическом введении к каталогу, сопровождающемуся более чем тремястами фотографиями предметов Загорского собрания и наиболее примечательных вещей из других музейных коллекций, Т. В. Николаева разработала своеобразную «шкалу» произведений мелкой пластики Древней Руси. Поэтому в целом книга открывает самые широкие возможности как для дальнейшего исследования опубликованного материала,⁸⁴ так и для изучения и осмысления других собраний произведений мелкой пластики, которые во многих музеях представляют собой еще не разобранный материал без убедительных научных определений. Так, в Таганрогский краеведческий музей поступила недавно двусторонняя каменная иконка с изображением св. Алексея и св. Федора и поясняющими их русскими надписями. Сопоставление этой вещи с известным образком из жировика с изображением св. Глеба, относимым Б. А. Рыбаковым к тмутараканскому князю Глебу Святославичу,⁸⁵ и с наблюдениями Т. В. Николаевой позволило датировать иконку XI—началом XII в. и предположить существование в Тмутараканском княжестве камнерезного производства, работавшего на широкий местный рынок.⁸⁶

Удивительно плодотворным оказался метод исследования индивидуальных приемов работы и письма древнерусских мастеров прикладного искусства, к которому обратился В. Л. Янин при сравнительном изучении памятников сфрагистики и торевтики,

⁸¹ В. В. Седов. Войнослововский крест. СА, 1962, 3.

⁸² Г. К. Вагнер. 1) Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 55, 171; 2) О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском. СА, 1966, 3; 3) Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966.

⁸³ Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960.

⁸⁴ Т. В. Николаева. Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 451—458.

⁸⁵ Б. А. Рыбаков. 1) Ремесло древней Руси, стр. 425—427; 2) САИ, Е1-44, № 5.

⁸⁶ А. В. Гадло. Новый памятник Тмутараканского времени из Приазовья, стр. 217—224.

исходя из того, что древнерусские печати ввиду своей массовости и многочисленности дают непрерывный хронологический ряд развития мелкой русской пластики как отрасли прикладного искусства.⁸⁷

На основе стилистического анализа печатей и наблюдений над последовательным единством палеографических особенностей их надписей В. Л. Янин выделил группу печатей, резанных новгородским торевтом середины XII в. Затем, обнаружив те же индивидуальные особенности стилистического и палеографического почерка этого мастера в оформлении нижнего яруса Большого Сиона, или Иерусалима, Новгородского Софийского собора,⁸⁸ В. Л. Янин доказал единое авторство данной группы печатей середины XII в. и створок Сиона, который благодаря этому получил твердую дату.

Великолепные надписи богато украшенного золотом, серебром и эмалью напрестольного креста, сделанного мастером Лазарем Богшей по заказу княжны Евфросинии Полоцкой около 1161 г., исследованы в специальной работе Л. В. Алексеева (с исчерпывающей библиографией).⁸⁹ Надписи креста Евфросинии Полоцкой сообщают дату вложения креста в Полоцкий монастырь, имя мастера, стоимость работы и сложное заклятие, выразившее волю заказчицы о неотчуждении креста.

Надпись другого произведения древнерусского прикладного искусства — ларца новгородской работы XIV в. из собрания Краковского музея — сообщает, что вещь была изготовлена мастером Самуилом в сотрудничестве с двумя писцами — Елисеем и Леонтием. Изучение иконографии изображений ларца позволило утверждать, что это произведение отражает тесную связь его авторов или заказчиков с ересью стригольников.⁹⁰

Одна из самых древних русских надписей — клеймо творца изделия — обнаружена недавно на клинке, найденном в конце XIX в. около Миргорода Полтавской губернии.⁹¹ Двусторонняя надпись, выполненная инкрустированной в металл дамаскированной проволокой, состоит из уставных кирилловских букв и передает прозвище или обозначение специальности автора клинка и его имя. Важное значение этой надписи, сообщающей древнейшее дошедшее до нас имя русского ремесленника-кузнеца, состоит

⁸⁷ В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. СА, 1957, 1.

⁸⁸ Н. В. Покровский. Древняя ризница Софийского Новгородского собора. Труды XV Археолог. съезда, т. I, М., 1914.

⁸⁹ Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, 3.

⁹⁰ П. Н. Жолтовский. Ларец мастера Самуила. СА, 1958, 4; В. Л. Янин. По поводу заметки П. Н. Жолтовского «Ларец мастера Самуила». СА, 1958, 4.

⁹¹ А. Н. Кирпичников. Древнейший русский подписной меч. СА, 1965, 3.

в доказательстве собственного производства мечей на Руси X—XI вв., — которое безуспешно искали многие поколения ученых.

Бесценным фондом древнейших русских надписей являются легенды монет первоначального русского чекана X—XI вв. Имеющие внешний вид, ни в чем не уступающий византийским солидам или милиарисиям и арабским дирхемам того времени, и надписи явно декларативного характера, провозглашавшие государственную независимость Руси и политическое равенство молодой восточнославянской державы другим европейским государствам, эти монеты киевских князей Владимира Святославича, Святополка Ярополковича и Ярослава Владимировича, составляющие замечательную группу памятников экономики, политики и культуры Руси времени наивысшего расцвета Киевского государства и являющиеся, в сущности, единственными русскими государственными документами X—XI вв., дошедшими до нас в подлинниках, стали объектом специального палеографического анализа в связи с работой над Корпусом древнейших русских монет, ведущейся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа уже в течение нескольких лет.

На основе пристального штемпельного анализа около 300 зарегистрированных в Корпусе монет удалось выяснить образцовые варианты штемпелей, стоявшие в начале русского чекана, и установить хронологическую последовательность большинства вариантов внутри каждого монетного типа.⁹²

Оказалось, что в каждом из восьми монетных типов русских монет X—XI вв. работало по одному «ведущему» мастеру с двумя-тремя помощниками или учениками. Вследствие многократного копирования штемпелей, быстро снашивавшихся из-за своей нестойкости, монетные легенды быстро «портились» даже у авторов штемпельных образцов. Поэтому смысл многих буквенных начертаний удается уловить только при сравнении надписи на монетах всего данного типа.

Письмо легенд на всех монетах первоначального русского чекана безусловно кирилловское. В нем нет ни одного глаголического знака, ни знака загадочного «русского письма», по мнению Н. В. Энговатова, якобы предшествовавшего на Руси употреблению кириллицы и глаголицы.⁹³ При исходной близости кириллицы греческому алфавиту употребление чисто греческих начертаний

⁹² И. Спасский. Насущные вопросы изучения русских монет X—XI веков. Сообщ. ГЭ, XXI, 1961; М. П. Сотникова. 1) Сребреники Киевского клада 1876 г. ИС, 3, 1968; 2) Нежинский клад 1852 г. (реконструкция состава). ИС, 4, 1970.

⁹³ Н. Энговатов. Древнейшая русская азбука. Знание — сила, 1960, № 11; Г. Горячев. Причудливая надпись. Молодая гвардия, 1960, № 9. Н. В. Энговатов, увидевший в надписях русских монет присутствие 20 знаков неизвестного ранее алфавита и «прочитавший» с помощью этого

некоторых букв в наиболее грамотно исполненных монетных легендах усиливает впечатление от последних как от греческих внешне надписей.

Характер письма на древнейших русских монетах чрезвычайно близок торжественному письму мозаик, монументальной живописи, предметов горевтики, печатей. Поэтому выяснение в Корпусе как нумизматической характеристики древнейших русских монет, так и «биографий» всех известных в настоящее время экземпляров этих монет превращает русские златники и сребреники X—XI вв. в надежный сравнительный материал при изучении других древнейших памятников русского письма, языка и искусства.

О наиболее важных находках вещевых надписей в советское время и задачах и возможностях русской эпиграфики как вспомогательной исторической дисциплины Б. А. Рыбаков рассказал на V Международном съезде славистов и на отчетной сессии Института археологии АН СССР за 1967 г.⁹⁴

С целью помочь определению сотен древнерусских вещей с надписями Б. А. Рыбаков составил Свод датированных русских надписей XI—XIV вв.⁹⁵ Собранные в Своде надписи имеют прямую цифровую дату, содержат имена известных исторических лиц или хорошо датируются различными косвенными соображениями, т. е. могут служить хронологической основой русской эпиграфики.

Во вступительной части книги дана классификация эпиграфических памятников по материалу, орудиям и стилю письма, изложены основы методики эпиграфического исследования применительно к различному материалу, на котором надписи исполнены, а также сформулированы общие принципы датировки памятников эпиграфики и их хронологии.

Основная часть работы состоит из полусотни отдельных очерков, посвященных всестороннему рассмотрению воспроизведенных на таблицах Свода надписей.

В приложении дана сводная «вещевая» азбука XI—XIV вв., составленная А. А. Мединцевой по показаниям рассматриваемых в тексте книги надписей. Для наиболее характерных букв на основе этой сводной азбуки выведены специальные хронологи-

названного им «русским» «письма» ряд надписей, остающихся до сих пор не читаемыми, пользовался не оригиналами монет, а их графическими воспроизведениями (см.: В. Л. Янин, Б. А. Рыбаков. По поводу так называемых «открытий» Н. В. Энгватова. СА, 1960, 4).

⁹⁴ Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв.; см. также сборник «Отделение истории Академии наук СССР. Институт археологии. Институт этнографии. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г.», М., 1968,

⁹⁵ Б. А. Рыбаков. САИ, ЕИ-44.

ческие графики, с помощью которых можно достаточно надежно датировать надписи, даже не содержащие четких хронологических признаков в собственном тексте. Новыми находками памятников вещевой палеографии эти графики будут несомненно дополняться и уточняться.

Таким образом, Свод датированных надписей Б. А. Рыбакова является первым по-настоящему научным и практическим пособием по русской вещевой палеографии, подобным тем многочисленным руководствам-справочникам, которыми давно уже располагает русская палеография рукописная.⁹⁶

По сравнению с библиографическим справочником А. С. Орлова⁹⁷ книга Б. А. Рыбакова представляет новую ступень в развитии русской эпиграфики как научной дисциплины.

А. С. Орлов, работавший без непосредственного изучения подлинников, естественно, в своем перечне надписей не мог придавать значения исключительной точности датировки материала и ограничился общим описанием памятников, сделанных часто даже без цитации и разбора текста последних.

Б. А. Рыбаков выбрал только датированные надписи, относящиеся вообще к наиболее бедному точно датированными источниками периоду русской истории, и сделал это в итоге именно личного ознакомления с подлинниками и собственного их изучения.

Чтение и разбор каждой конкретной надписи обычно сопровождается в Своде исчерпывающим палеографическим, лингвистическим, историко-хронологическим и материально-вещеведческим анализом памятников, а заканчивается превосходными историческими очерками-комментариями.

Эти следующие за чисто «вспомогательной» частью каждой статьи уже собственно исторические исследования, касающиеся самого содержания и истолкования надписей и обстоятельств их появления, исполнены всегда столь мастерски, что в некоторых случаях увлекательностью изложения даже «нейтрализуется» их спорность. Таковы, например, статьи о Тмутараканском камне, подлинность или поддельность которого равно до сих пор не доказаны,⁹⁸ или статья о шлеме, найденном на месте Липецких битв 1177 и 1216 гг., в которой сомнительна сама исходная развертка автором системы изображений на шлеме.⁹⁹

В сочетании с вновь открытыми надписями и показаниями других исторических источников в Своде «заиграли» старые, давно

⁹⁶ См. библиографию в книге Л. В. Черепнина «Русская палеография» (М., 1956).

⁹⁷ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв.

⁹⁸ Б. А. Рыбаков. САИ, Е1-44, № 5; ср.: А. Монгайт. 1) Надпись на камне. Наука и жизнь, 1967, №№ 5, 7, 8; 2) Надпись на камне. М., 1969.

⁹⁹ Б. А. Рыбаков. САИ, Е1-44, № 33; ср.: В. Л. Янин. О первоначальной принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича. СА, 1958, 3.

известные и даже иногда забытые материалы. Так, кресты и закладные надписи на так называемых Борисовых и Рогволодом камнях, находящихся на территории древнего Полоцкого княжества, убедительно приурочены к Борисо-Глебским майским праздникам 1128 и 1171 гг. в периоды страшного голода на Северо-Западной Руси.¹⁰⁰ На известной чаре Владимира Давыдовича открылась первоначальная черновая разметка благопожелательной надписи сосуда, являющейся первым примером применения вязи в древнерусском письме.¹⁰¹ Надпись на антиминсе новгородского архиепископа Нифонта дала возможность очень точно датировать сооружение первого Георгиевского собора в Юрьеве-Польском 1145—1148 гг.¹⁰² Сопоставление иконографии изображений и поясняющих их надписей на драгоценном погире новгородского архиепископа Моисея с летописными сведениями о вокняжении в 1329 г. в Новгороде Ивана Калиты позволило установить правильную дату изготовления этой вещи.¹⁰³ На знаменитом новгородском Людогочицком кресте 1359 г. прочтено зашифрованное тайнописью имя изготовившего его резчика-художника.¹⁰⁴ Очень убедительно интерпретированы в Своде также многие граффити и другие надписи.¹⁰⁵

Поэтому Свод датированных надписей Б. А. Рыбакова уже не только стал справочником-определителем для археологов и музейных работников, ежегодно сталкивающихся в своей практике с новыми находками древнерусских надписей,¹⁰⁶ но служит также и прекрасным учебным пособием при изучении русской эпиграфики.

В самом подборе для Свода Б. А. Рыбакова материалов не моложе XIV в. отразилось фактическое разделение древнерусской эпиграфики на две большие самостоятельные области: эпиграфика XI—XIV вв. и эпиграфика XV—XVII вв. Вызванное многочисленностью и разнообразием эпиграфических памятников, ставших известными в течение нескольких последних десятилетий, это разделение само является показателем и следствием успешного развития русской эпиграфики как вспомогательной исторической дисциплины.

¹⁰⁰ Б. А. Рыбаков. САИ, Е1-44, №№ 20—22, 29.

¹⁰¹ Там же, № 24.

¹⁰² Там же, № 25.

¹⁰³ Там же, № 46.

¹⁰⁴ Там же, № 51.

¹⁰⁵ Там же, №№ 1, 2, 12, 13 и др.; 38, 41, 43, 44 и др.

¹⁰⁶ М. В. Седова. 1) Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 235, 236; 2) Серебряный сосудик XIII в. из Новгорода; 3) Каменные иконки древнего Новгорода. СА, 1965, 2; 4) Новгородские амулеты-змеевики. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 243—245; Г. В. Штыхов. Древний Полоцк. Автореф. канд. дисс., Минск, 1965, стр. 35; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 229—235.

В области эпиграфики XI—XIV вв. специализация пошла дальше и глубже. Там монографическому исследованию подвергаются отдельные группы надписей в зависимости от материала: граффити разного рода, берестяные грамоты, монеты, произведения прикладного искусства, печати. При этом для каждого раздела создаются соответствующие своды материала, которые делают практически невыполнимым единый Корпус древнерусских надписей X—XVII вв., задуманный когда-то И. А. Шляпкиным.

То же происходит и с изучением надписей XV—XVII вв. Необъятностью и многообразием эпиграфического материала, появившегося в наше время, это «дробление» так и не состоявшегося всеобъемлющего Корпуса можно объяснить лишь отчасти. Главная причина узкой специализации в эпиграфике заключается в существенном отличии задач вещевой палеографии от задач палеографии рукописной.

«Чистая» палеография исполняет действительно вспомогательные функции: она изучает внешний вид рукописей, занимается анализом начертаний букв и историей письма, но не вникает в суть текста. Эпиграфика же не только расшифровывает, датирует и удостоверяет подлинность надписей на основе палеографических признаков, но и всесторонне исследует содержание текста и определяет место и значение данного эпиграфического памятника в ряду других исторических источников эпохи. При этом для каждой отрасли эпиграфических памятников существует свой особый круг проблем и исторических связей, приемов исследования и сравнительных материалов. Насколько многообразна и «комплексна» должна быть работа с эпиграфическим памятником, хорошо видно на примере Свода датированных надписей Б. А. Рыбакова.

Большинство эпиграфических памятников XV—XVII вв. является надгробиями. Помимо уточнения наших представлений о генеалогии и хронологии ряда исторически известных родов и лиц, надписи надгробий интересны тем, что сообщают нам имена тех, кто не упомянут в письменных источниках своего времени: слуг, мастеровых, ремесленников, посадских людей.

Некоторая часть надписей XV—XVII вв. представляет собой памятные записи о построении храмов, другие — различные бытовые записи.

Началу серьезного изучения эпиграфических материалов XV—XVII вв. в советское время послужило открытие нескольких надгробий во время работ по проведению первой очереди Московского метрополитена.¹⁰⁷

¹⁰⁷ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое. Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена», М., 1936.

Число известных надписей значительно возросло в послевоенные годы в связи с археологическими раскопками, перепланировкой отдельных районов и ростом строительства в Москве.¹⁰⁸

В 50—60-е годы много интересных находок было сделано на территории Троице-Сергиевой лавры в связи с большими земляными работами по нивелировке площади между древнейшими соборами XV в. и в других местах. Им посвящена серия работ Т. В. Николаевой и В. Б. Гиршберга.¹⁰⁹

В. Б. Гиршбергом составлен в двух частях свод надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья,¹¹⁰ в котором проделана тщательная систематизация всех известных таких надписей и прослежено изменение эпиграфических признаков в связи с изменением орнамента и техники обработки камня в течение нескольких столетий.

В те же годы состоялись публикации нескольких отдельных эпиграфических памятников XVI—XVII вв. Кроме надписей на крестах и надгробиях,¹¹¹ стали известны надписи на вещах XVII в.¹¹²

¹⁰⁸ Е. И. Горюнова. Итоги работ археологического надзора на строительстве второй очереди Московского метрополитена. МИА, № 7, 1947; А. В. Арциховский. Археологические работы в Москве. Преподавание истории в школе, 1946, 1; Л. А. Давид. Церковь Трифона в Напрудном. Сб. «Архитектурные памятники Москвы XV—XVI вв.», М., 1947; М. Г. Рабинович. 1) О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. V, № 4, 1948, стр. 371—372; 2) Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье реки Яузы. МИА, № 12, 1946; В. Б. Гиршберг. 1) Надгробие 1655 г. из Богоявленского монастыря в Москве. КСИИМК, 34, 1951; 2) Эпиграфические заметки. КСИИМК, 52, 1953; 3) Надписи из Георгиевского монастыря. Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. V, 1954.

¹⁰⁹ Т. В. Николаева. 1) Новые находки на территории Загорского музея-заповедника. СА, 1957, 1; 2) О некоторых надгробных надписях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника. СА, 1958, 3; 3) К вопросу о связях древней Руси с южными славянами. Сообщ. Загорского историко-художеств. музея-заповедника, вып. II, 1958; 4) К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры. Там же, вып. III, 1960; 5) Надгробие новгородского архиепископа Сергия. СА, 1965, 3; 6) Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры. НЭ, VI, 1968; В. Б. Гиршберг. Надпись 1501 г. из Троице-Сергиевой лавры. СА, 1959, 3.

¹¹⁰ В. Б. Гиршберг. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв., ч. I — НЭ, I, 1960, ч. II — НЭ, III, 1962.

¹¹¹ В. Б. Гиршберг. 1) Надпись мастера Повилики. СА, 1959, 2; 2) Эпиграфические заметки. СА, 1961, 3; А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева. Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья. СА, 1960, 4; В. П. Левенко. Надгробия князей Трубецких. СА, 1960, 1; Ю. М. Золотов. 1) Каменный крест XVII в. со станции Жилево. СА, 1960, 3; 2) Надгробия московских ремесленников XVII в. СА, 1964, 1; 3) Государев дьяк Данило Вылузга. СА, 1963, 3; 4) Два каменных надгробия из Москвы. СА, 1962, 2; 5) Каменная доска московского подьячего. СА, 1963, 1.

¹¹² Н. Г. Порфиридов. Надписи на ножах русских мореходов XVII в. СА, 1958, 2; Ю. М. Золотов. 1) Чернолощенный кувшин XVII в. СА, 1959, 1; 2) Колокол патриарха Никона. СА, 1964, 2.

Работы И. И. Плешановой посвящены группе псковских керамических надписей XVI—XVII вв.

В 40—50-е годы XVI в. на барабанах ряда псковских храмов были выполнены украшения, состоящие из керамических надписей — «летописей» и архитектурно-керамических деталей.¹¹³

Важным историческим источником и замечательным памятником древнерусского декоративного искусства являются также керамические надгробные плиты, которые сохранились в подземных галереях Псково-Печерского монастыря, являющихся усыпальницей воинов XVI—XVII вв.¹¹⁴ Тексты этих керамических надгробий содержат сведения, отражающие события XVI—XVII вв., историю Псковской земли и Печерского монастыря. И. И. Плешанова выявила более 100 псковских керамических надгробий и дала их хронологическое описание, разделив на несколько групп по декоративному, эпиграфическому и техническому признакам.

Тридцать лет назад Н. Г. Порфиридов высказал мысль о необходимости создания областных сводов эпиграфических памятников и последующего слияния их воедино.¹¹⁵ Издания берестяных грамот и печатей Новгорода, киевских граффити и монет, надгробий Москвы и Пскова по существу и являются такими областными сводами эпиграфических памятников. Что касается возможности слияния их в будущем в единый Свод русских эпиграфических памятников, то последний, пожалуй, теперь еще дальше от нас, чем во времена И. А. Шляпкина, поскольку задачи, которые стоят перед русской эпиграфикой как перед научной дисциплиной растут и усложняются вместе с увеличением ее знаний и возможностей. Этими задачами являются дальнейшее выявление и фиксация, определение и систематизация эпиграфического материала; выработка принципов точной датировки и создание справочно-хронологических таблиц; сопоставление русских надписей с южнославянскими кирилловскими,¹¹⁶ библиография надписей.¹¹⁷

¹¹³ И. И. Плешанова. Псковские архитектурные керамические пояса. СА, 1963, 2.

¹¹⁴ И. И. Плешанова. 1) Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря. КСИА, 96, 1963; 2) Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря. НЭ, VI, 1968.

¹¹⁵ Н. Г. Порфиридов. Памятник новгородской эпиграфики XVI в. Новгородский исторический сборник, вып. 6, Новгород, 1939, стр. 32.

¹¹⁶ Б. А. Рыбаков. САИ, ЕИ-44, стр. 6.

¹¹⁷ Библиография надписей X—XIV вв. продолжена, правда не для специальной публикации, А. И. Толкачевым при создании картотеки Словаря древнерусского языка в Институте русского языка АН СССР (Н. В. Подольская. Надписи на предметах и зданиях — лингвистический источник (по материалам XI—XIV вв.). Сб. «Исследования источников по истории русского языка и письменности», М., 1966, стр. 27).